

Королева Гортензия / новелла

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Королева Гортензия / новелла КОРОЛЕВА ГОРТЕНЗИЯ

В Аржантейле ее звали Королевой Гортензией. Почему, – никто так и не мог узнать. Может быть, потому, что она говорила тем решительным тоном, каким офицер отдает команду. Может быть, потому, что была высока ростом, широка в кости и величественна. А возможно, и потому, что она воспитывала целое полчище домашних животных: кур, собак, кошек, чижей и попугаев, – животных, которые так дороги сердцу старых дев. Но для этих зверьков у нее не было ни баловства, ни ласковых слов, ни ребяческих нежностей, изливаемых так часто женскими устами на бархатную спинку мурлыкающей кошки. Она управляла своими животными властно – она царствовала над ними.

Она и в самом деле была старой девой, одной из тех старых дев, которым присущи резкий голос, грубые жесты, жестокая, казалось бы, душа. Она всегда держала молоденьких служанок, потому что молодость легче склоняется перед крутою волей. Она не допускала ни противоречий, и возражений, ни колебаний, ни беспечности, ни лени, ни усталости. Никогда никто не слышал, чтобы она жаловалась, сожалела о чем-нибудь, завидовала кому-нибудь. «Всякому свое», – говорила она с убеждением фаталистки. Она не ходила в церковь, не любила попов, совсем не верила в бога и называла все религиозные атрибуты «товаром для плакс».

В течение тридцати лет своей жизни в маленьком доме, отделенном от улицы небольшим садом, она не изменила привычек, безжалостно меняя одних только служанок, когда они достигали двадцати одного года.

Без слез и сожалений она заменяла новыми своих собак, кошек и птиц, когда они умирали от старости или от несчастного случая: погибших она хоронила под цветочную клумбой, рыла могилку небольшой железной лопаткой, потом равнодушно утаптывала землю ногой.

В городе у нее было несколько знакомых чиновничьих семей, где мужчины ежедневно отправлялись на службу в Париж. Время от времени ее приглашали на вечерний чай. Она неизбежно засыпала на этих собраниях, и ее приходилось будить перед уходом. Никогда она не позволяла провожать себя, потому что ничего не боялась ни днем, ни ночью. Детей она, казалось, не любила.

Все свое время она заполняла мужскими работами: столярничала, работала в саду, пилила или колола дрова, чинила свой ветшавший дом, а в случае нужды сама штукатурила стены.

У нее были родственники, навешавшие ее два раза в год: Симмы и Коломбели; две ее сестры вышли замуж – одна за аптекаря, другая за мелкого рантье. У Симмов не было потомства, у Коломбелей же было трое детей: Анри, Полина и Жозеф. Анри было двадцать лет, Полине – семнадцать, а Жозефу – только три. Он родился в то время, когда, казалось, матери его уже поздно было иметь детей.

Старая дева не испытывала ни малейшей привязанности к своим родственникам.

Весною 1882 года Королева Гортензия вдруг захворала. Соседи пригласили доктора; она его выгнала. Тогда явился священник, но она поднялась, раздетая, с постели и вытолкала его вон.

Вся в слезах, молоденькая служанка приготавливала ей лекарственную настойку.

Она пролежала так три дня, и положение ее стало настолько опасно, что сосед-бочар, по совету доктора, силою вошел в дом и взял на себя труд известить родных.

Они приехали с одним и тем же поездом, около десяти утра. Коломбели привезли с собою маленького Жозефа.

Подойдя к садовой калитке, они прежде всего увидели служанку, которая сидела на стуле у стены дома и горько плакала.

У порога на соломенном половике, развалившись под палящим солнцем, спала собака. Две кошки, вытянувшись, с закрытыми глазами, расправив хвосты и лапы, лежали неподвижно, как мертвые, на подоконниках двух окон.

Толстая наседка с выводком цыплят, одетых желтым пухом, легким, как вата, бродила, кудахтая, по небольшому саду, а в огромной клетке, привешенной на стене и прикрытой курслепом,

целая стая птиц, опьяненная светом теплого весеннего утра, оглашала пением воздух.

В другой клетке, в виде домика, смиренно сидели рядом на одной жердочке два зеленых попугая-неразлучника.

Г-н Симм, толстый, сопящий человек, входивший всюду первым, расталкивая в случае надобности мужчин и женщин, спросил:

– Ну что, Селеста, плохо дело?

Служанка проговорила сквозь слезы:

– Она меня не узнает больше. Доктор говорит, что это конец.

Все переглянулись.

Г-жа Симм и г-жа Коломбель, не говоря ни слова, вдруг поцеловались. Они были очень похожи друг на друга, у обеих были гладко расчесанные на пробор волосы и красные шали на плечах, шали из французского кашемира яркого, огненного цвета. Симм обернулся к зятю, бледному, желтому, худому человеку, терзаемому болезнью желудка и сильно хромавшему, и произнес серьезным тоном:

– Пора было, черт возьми!

Но никто не осмеливался войти в комнату умирающей, расположенную в нижнем этаже. Даже Симм отказался тут от первенства. Первым отважился Коломбель. Качаясь, как корабельная мачта, он вошел, стуча по каменному полу железным наконечником своей палки.

За ним решались на это и обе женщины, а г-н Симм замыкал шествие.

Маленький Жозеф остался на улице, пленившись собакой.

Луч солнца, падавший на середину кровати, освещал только руки умирающей, которые нервно и неустанно двигались, то раскрываясь, то сжимаясь. Пальцы шевелились, точно оживленные какую-то мыслью; они словно указывали на что-то, объясняли, старались выразить. Тело умирающей лежало неподвижно под простыней. На худом лице не вздрагивал ни один мускул. Глаза были закрыты.

Родственники расположились полукругом у кровати, безмолвно уставясь на сдавленную грудь, дышавшую коротко и отрывисто. За ними, продолжая плакать, вошла молоденькая служанка.

Наконец Симм спросил:

– Что же в точности сказал доктор?

Девушка пролепетала:

– Он сказал, что ее оставили в покое, что ничего больше сделать нельзя.

Но вот губы старой девы зашевелились. Казалось, она тихо произнесла какие-то слова, сохранившиеся в ее угасавшем мозгу, и странные движения ее рук усилились.

Вдруг она заговорила тоненьким голоском, совсем не свойственным ей, идущим, казалось, откуда-то издалека, быть может, из самой глубины ее вечно замкнутого сердца.

Симм на цыпочках вышел из комнаты, найдя зрелище слишком тяжелым. Коломбель, у которого устала хромая нога, сел на стул.

Обе женщины продолжали стоять.

Королева Гортензия что-то болтала теперь очень быстро, но слова ее трудно было разобрать. Она произносила имена, множество имен, нежно призывая воображаемых людей.

– Подойди сюда, мой маленький Филипп, поцелуй свою маму. Ты очень любишь маму, скажи, дитя мое? Роза, ты посмотришь за сестренкой, пока меня не будет дома. Главное, не оставляй ее одну, слышишь? И не смей трогать спичек.

Она помолчала несколько секунд, потом громче, точно зовя кого-то, продолжала:

– Анриетта!..

Подождав немного, она прибавила:

– Скажи твоему отцу, чтоб он пришел поговорить со мной до ухода в контору.

И вдруг:

– Мне сегодня немного нездоровится, мой дорогой, обещай не приходить слишком поздно. Скажи начальнику, что я больна. Ты ведь понимаешь, опасно оставлять детей одних, когда я в постели. Я сделаю тебе к обеду блюдо сладкого рису. Дети очень это любят. Особенно будет довольна Клара.

Она рассмеялась звонким молодым смехом, как ни когда не смеялась.

– Посмотри на Жана, какое у него смешное лицо. Весь измазался в варенье, маленький неряха. Посмотри, мой дорогой, какой он

потешный.

Коломбель, поминутно менявший положение больной ноги, утомленной путешествием, прошептал:

– Ей кажется, что у нее дети и муж. Это начало агонии.

Обе сестры стояли, не двигаясь, удивленные и растерянные.

– Снимите шляпы и шали, – сказала служанка. – Не пройдете ли в гостиную?

Они вышли, не произнося ни слова. Коломбель, хромая, поплелся за ними, и умирающая снова осталась одна.

Освободившись от дорожных нарядов, женщины наконец уселись. Одна из кошек потянулась, соскочила с окна и взобралась на колени к г-же Симм. Та стала гладить ее.

Из спальни слышался голос умирающей, которая переживала в этот последний час свою жизнь такую, как она должна была бы сложиться, переживала сокровенные мечты в ту минуту, когда все для нее должно было кончиться.

Толстяк Симм играл в саду с Жозефом и собакой, веселясь от всей души на лоне природы и совершенно забыв об умирающей.

Но наконец он вошел в комнату и обратился к служанке:

– А ну-ка, голубушка, не состряпаешь ли ты нам завтрак? Что угодно покушать дамам?

Заказали яичницу с зеленью, кусок мяса с молодым картофелем, сыр и кофе.

И когда г-жа Коломбель стала искать в кармане кошелек, Симм остановил ее и спросил девушку:

– У тебя, наверное, есть деньги?

Она отвечала:

– Да, сударь.

– Сколько?

– Пятнадцать франков.

– Этого достаточно. Поторопись, милая, так как я уже проголодался.

Г-жа Симм, глядя в окно на вьющиеся растения, залитые солнцем, и на двух влюбленных голубей на крыше противоположного дома, огорченно произнесла:

– Как досадно съехаться при таких печальных обстоятельствах.

Сегодня так чудесно было бы погулять на воздухе!

Сестра ответила безмолвным вздохом, а Коломбель, придя, должно быть, в ужас при мысли о прогулке, пробормотал:

– Нога болит у меня отчаянно.

Маленький Жозеф и собака производили невообразимый шум: мальчик испускал крики восторга, а животное отчаянно лаяло. Они играли в прятки, бегая вокруг трех цветочных грядок, и неистово гонялись друг за другом.

Умирающая продолжала призывать своих детей, разговаривая с каждым отдельно, воображая, что одевает их, ласкает, учит читать.

– Ну, Симон, повторяй: а, б, ц, д. Ты плохо выговариваешь скажи: д, д, д. Слышишь? Ну, повтори...

Симм произнес:

– Какие странные вещи говорят в подобные минуты.

Г-жа Коломбель спросила:

– Может быть, лучше опять пойти к ней?

Но Симм тотчас же поспешил возразить:

– Зачем? Все равно вы ей не поможете. Нам и здесь хорошо.

Никто не настаивал. Г-жа Симм рассматривала двух зеленых попугаев-неразлучников. Она превозносила их удивительную верность, порицая мужчин за то, что они не подражают этим птицам. Симм стал смеяться и, глядя на жену, принялся насмешливо напевать:

«Тра-ла-ла, тра-ла-ла...», – как бы намекая на что-то, относящееся к его, Симма, верности.

У Коломбеля в это время начались спазмы в желудке, и он принялся стучать палкой об пол.

Вбежала другая кошка, подняв хвост трубой.

Сели за стол почти в час.

Коломбель, которому было предписано употреблять только хорошее бордо, попробовал вино и подозвал служанку.

– Скажи, миленькая, неужели в погребе нет ничего получше этого?

– Как же, есть, сударь, хорошее вино, то, что подавалось вам, когда вы приезжали.

– Так принеси-ка нам три бутылочки.

Попробовали нового вина, которое оказалось превосходным не потому, что было хорошего сорта, а потому, что простояло лет пятнадцать в погребе.

– Вот настоящее бордо для больных, – заявил Симм.

Коломбель, охваченный страстным желанием завладеть этим бордо, снова спросил девушку:

– Сколько его там еще осталось, милая?

– 0, почти все, сударь! Мадмуазель никогда его не пила. В погребе его целая куча.

Тогда Коломбель обратился к зятю:

– Если позволите, Симм, я возьму это вино взамен чего-нибудь другого. Она необычайно полезно для моего желудка.

Вошла наседка с выводком цыплят. Обе женщины забавлялись, бросая им крошки.

Жозефа и собаку как следует накормили и отослали в сад.

Королева Гортензия все еще разговаривала, но теперь уже тихо, так что ее слов уже нельзя было разобрать.

Кончив пить кофе, пошли посмотреть, в каком положении находится больная. Она, казалось, успокоилась.

Все снова вышли и уселись в саду, чтобы на воздухе предаться пищеварению.

Вдруг собака стала быстро носиться вокруг стульев, держа что-то в зубах. Ребенок со всех ног побежал за ней, и оба исчезли в доме.

Симм уснул, выставив живот на солнце.

Умиравшая опять громко заговорила и вдруг вскрикнула.

Обе женщины и Коломбель поспешили войти в дом и посмотреть, что с ней. Проснувшийся Симм не двинулся с места, так как не любил себя расстраивать.

Королева Гортензия сидела на постели с блуждающим взглядом. Собака, спасаясь от преследований маленького Жозефа, вскочила на кровать, перепрыгнув через хозяйку, и, прячась за подушкой, смотрела блестящими глазами на мальчика, готовая снова прыгнуть, чтобы продолжать беготню. В зубах она держала туфлю своей хозяйки, изглоданную во время игры.

Ребенок, оробев при виде этой женщины, внезапно поднявшейся на ложе, неподвижно остановился у кровати.

Напуганная шумом курица вскочила на стул, в отчаянии сзывая своих цыплят, растерянно метавшихся и пищавших под стулом.

Королева Гортензия кричала раздирающим голосом:

– Нет, нет, я не хочу умирать!.. Не хочу, не хочу!.. Кто воспитает моих детей? Кто будет о них заботиться? Кто будет их любить? Нет, не хочу... не...

Она упала навзничь. Все было кончено.

Возбужденная собака вертелась и скакала по комнате. Коломбель подбежала к окну и позвала шурина:

– Идите скорее, идите скорее! Мне кажется, она умерла.

Тогда Симм поднялся, покорясь участи, и вошел в комнату, бормоча:

– Это кончилось скорее, чем можно было ожидать.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 24 апреля 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994

Перевод С. Иванчиной-Писаревой. Neкаýalar